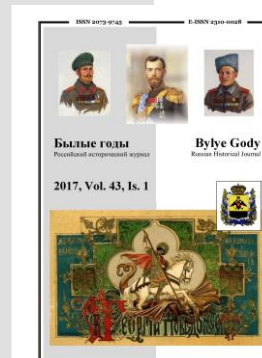

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 30-38, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.30
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.85

The Ethno-Confessional Relations in the Context of Culture and Education (Kazan province, XVIII – beginning of XX century)

Lyalya T. Faizrakhmanova^{a, *}, Ekaterina V. Kovrikova^a

^a Kazan Federal University, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Abstract

On the basis of archival materials and literature the article highlights some aspects of inter-confessional and inter-ethnic relations in the historical and cultural processes that have developed during XVIII till beginning of the XX centuries on the territory of the Kazan province. The value of historical and cultural background and regional characteristics and their influence on the nature of the investigated relations is revealed. The most important backgrounds include: geographical location of the specified area; multi-ethnic and multi-religious composition of the population; Islamic stratum of the Bulgar-Tatar culture; the policy of the Russian state in matters of religion; European influence on the development of culture (education) in Russia, "Jadidism" in Muslim culture; tolerance as a condition of educational institutions; consistent transformation of Kazan in the cultural and educational center. It shows the development of inter-confessional relations in the region in terms of centuries of coexistence of Islam, Orthodoxy, paganism. The authors show the main tendencies of the policy of the Russian state that influenced the character of the development of inter-confessional and inter-ethnic relations in the region. The conclusion is made about the prospects of development of ethno-confessional relations in order to consolidate a modern society that is possible subject to the necessary balance of interests of all religious groups and cultural diversity support.

Keywords: inter-religious and inter-ethnic interaction, history, culture, education, tolerance, Russia, Tatarstan.

1. Введение

Социально-политическая ситуация, возникшая на «постсоветском» пространстве в последнее десятилетие прошлого века и получившая название «парад суверенитетов», проявилась не только выдвиганием на политическую арену «национальных элит», но также обострением отношений между отдельными конфессиональными и этническими группами в регионах России. Как следствие перед государственными институтами встала проблема, которую характеризовала «не только многогранность и чрезвычайная сложность, но и малая изученность социологических, психологических, педагогических и других характеристик этнических отношений» (Новиков, Новиков, 2007: 475). Многоаспектность и неотложность возникших задач побудила российских политиков, религиозных деятелей, философов, историков, деятелей культуры, образования – ученых и практиков обратиться к исследованию исторического опыта с целью разрешения «глобальных проблем XXI века», выбора пути не «убийственного столкновения», а диалога и партнерства современных локальных цивилизаций (Кузык, Яковец, 2006: 11).

В Татарстане вследствие всплеска общественного внимания к региональной истории и культуре появилось значительное число работ и публикаций, в которых в разной мере и в различных контекстах освещаются вопросы межконфессиональных и межэтнических отношений. Результаты

* Corresponding author

E-mail addresses: lafaiz@gmail.com (L.T. Faizrakhmanova), kewa969@yandex.ru (E.V. Kovrikova)

научных исследований могут найти применение в ходе совершенствования модели межконфессиональных и этнокультурных отношений в Татарстане и в России в целом, поскольку задачи профилактики этно- и ксенофобии, формирования толерантной социальной среды остаются актуальными для современного общества, а процесс формирования государственной конфессиональной политики, по мнению ученых, все еще не завершен (М.И. Одинцов, И.И. Маслова и др.). Ввиду того, что рассмотрение столь важных для государства проблем возможно лишь на основе исторического опыта, накопленного в процессе выстраивания межрелигиозных и межэтнических отношений, а одним из безусловно репрезентативных в контексте заявленной темы регионов является Татарстан – территориальный преемник Казанской губернии, можно говорить об актуальности темы данной работы.

2. Материалы и методы

В качестве источников использовались архивные документы (фонды Национального архива РТ), научная и краеведческая литература, в том числе, исторические документы (царские указы, правительственные уставы и др.); исторические хроники, газетные и журнальные публикации; справочники; интернет-источники; научные исследования истории, культуры и образования России и Татарстана.

В основу исследования положены принципы научного исторического познания – историзм, объективность, всесторонность; применялись эмпирические методы: изучение документов, литературы; теоретические методы: исторический, логический; анализ, синтез, объяснение, обобщение.

3. Обсуждение

В источниках дореволюционного периода процессы взаимодействия представителей различных конфессий и этносов поволжского региона, также как их состав, территориальное расселение, трудовые обычаи, их материальная культура и особенности быта, а также проявления духовной культуры описаны достаточно полно. В XVIII в. – это иностранные авторы Г.Ф. Миллер, И.Г. Георги, в XIX – начале XX вв. – ученые Казанского университета Х.-М. Френ, А.К. Казембек, К.Ф. Фукс, Н.В. Никольский, М.Е. Евсевьев и др. Различные аспекты межконфессиональных и межэтнических отношений, как неотъемлемая часть регионального историко-культурного процесса, представлены в работах современных исследователей Я.А. Абдуллина, И.Л. Алексеева, Р.У. Амирханова, Т.А. Биктемировой, Е.А. Вишленковой, Г.М. Давлетшина, Б.Н. Кузыка, А.Л. Маклыгина, М.Н. Нигмедзянова, Г.Р. Сайфуллиной, З.М. Явгильдиной, Ю.В. Яковца и др.

Описывая межконфессиональные и межэтнические отношения, исследователи указывают «на множественность контактов дружественного характера», при этом «редко описывают негативный опыт, что не позволяет делать объективные обобщения» (Stolyarova et al., 2016: 68). Большой достоверности и объективности выводов способствует привлечение архивных документов, отражающих характер данных отношений в сфере культуры и образования.

4. Результаты

На межконфессиональные и межэтнические отношения, развивавшиеся в границах Казанской губернии, определяющее влияние оказали следующие процессы: внутренняя национальная политика российского государства, миссионерская деятельность, осуществляемая русской православной церковью, динамично развивающиеся культурные и образовательные процессы в стране и регионе. Вместе с тем развитие межконфессиональных и межэтнических отношений в границах исследуемой территории имело свои особенности: на протяжении столетий здесь жили разные этносы (тюрки, славяне, угро-финны), благодаря чему происходило взаимопроникновение и взаимообогащение их духовного, материального, культурного, социального, межконфессионального и этнопедагогического опыта, складывались традиции межэтнических отношений (Nurgayanova et al., 2015: 2796). На территории Казанского края «неповторимым образом соседствовали и взаимодействовали язычество, ислам и православие» (Маклыгин, 2000: 33). Народы, традиционно жившие в регионе – татары, русские, чуваша, мари, мордва, удмурты объединялись по религиозному «признаку», но достаточно часто имели место, так называемые, конфессиональные «мутации» и «отпадения», проявлявшиеся в переходе народов от одной веры к другой (НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1260. Л. 61–62); также ученые отмечали одновременное бытование у разных групп населения религиозных праздников и ритуалов, присущих язычеству, православию или исламу (Миллер, 1791: 53, 111). Безусловно важным для развития межэтнических отношений было и то, что Казань, издревле являющаяся связующим звеном между Востоком и Западом, «перекрестком», где произошла «встреча цивилизаций», в XIX – начале XX вв. становится культурным и образовательным центром не только для Казанской губернии, но и всего Среднего Поволжья и Приуралья.

Углубляясь в историю межконфессиональных и межэтнических процессов, развивавшихся в границах Казанской губернии, исследователи выявляют истоки материальной и духовной культуры татарского народа, в том числе тюркские «генетические корни», изучают период становления государственности древних булгар (IX в. – начало XIII в.), связывая этот процесс с утверждением

ислама в статусе государственной религии Волжской Булгарии (922 г.) (Давлетшин, 1990: 18). Ученые отмечают, что в культуре татарского народа оставила заметный след эпоха Казанского ханства (1438–1552 гг.), где «при дворах феодалов» процветало светское искусство (поэзия, литература, инструментальная музыка) (Макаров, 2016: 30, 31). В учебных заведениях при мечетях учащиеся осваивали искусство «книжного пения», неотделимое от религиозного культа и связанное с традицией сольной «речитации» религиозных текстов; в то же время народное творчество являлось естественной средой для формирования основных стилистических черт татарского искусства (Нигмедзянов, 1990). Существующая система образования выполняла важную роль в развитии государства и общества, большое значение имели духовные, культурные (образовательные) «обмены» с восточным мусульманским миром.

Однако эти культурные связи были нарушены вследствие падения Казанского ханства и его присоединения к Российскому государству (1552 г.). Дальнейший период характеризуется изменением вектора развития татарской культуры, «сменой ориентации в отношении «Восток – Запад» (Сайфуллина, 1999: 53), что было обусловлено характером государственной политики, направленной в последующий двухсотлетний период российской истории на изоляцию и отрыв поволжских татар от основ общемусульманской цивилизации. Указ Сената и Св. Синода (1744 г.) запрещал возводить новые мечети, также предписывалось разрушать действующие культовые сооружения, а значит и прилегающие школы в тех деревнях, где совместно с мусульманами проживали православные. Однако такие меры вызывали, отмечают ученые, «обратное» стремление татар-мусульман «сохранить ислам как систему», что приводило к консервации сложившихся культурных традиций и привычного уклада жизни (Сайфуллина, 1999: 56). Известный ученый-этнограф XIX в. К. Фукс писал об упорстве с каким казанские татары сохраняют «собственно национальное», поскольку «они гордятся своим происхождением, своими моральными качествами, своей религией...» (Фукс, 1991: 14). Исследователи отмечают, что приверженность верующих исламу сберегла для потомков древние памятники литературного наследия татарского народа. Вместе с тем, ученые констатируют, что традиции, не имеющие возможности поддерживаться новыми источниками знаний и развиваться в процессе культурных обменов, «в определенных случаях приобретали значение догмы, в других – их постигала участь саморазрушения» (Сайфуллина, 1999: 54).

Наряду с запретом на ислам государством были предприняты принудительные меры по обращению народов, населяющих территорию Казанского края, в христианскую веру. С целью проведения миссионерской политики в Казани учреждается епархия (1555 г.), ее возглавляет архиепископ о. Гурий. В дальнейшем были основаны монастыри «братства Гурия», при которых действовали начальные школы, где обучались дети «новокрещеных» народов, в том числе мари, удмурты, чуваша, татары (Пинегин, 2005: 170, 171, 172). В результате миссионерской практики образовалась новая этноконфессиональная группа, состоящая из крещеных татар («кряшен»). Кряшены, являясь православными, называли детей русскими именами, вместе с тем общались и произносили молитвенные тексты на татарском языке. Исследователи считают, что кряшены являются наследниками древнего архаичного искусства болгар-язычников доисламского периода (Нигмедзянов, 1993; Макаров, 2015), что сочетается у них с атрибутами православной веры: у кряшен присутствует традиция многоголосного пения, не свойственная культуре других этнических групп татар. Вместе с тем, большая часть татарского населения не приняла православия «с его художественными, в том числе церковно-певческими, традициями» (Салитова, 2002: 6).

Поскольку политика принуждения в вопросах религии не давала ожидаемых результатов, российские власти стремились наладить взаимодействие с наиболее influential представителями татарского общества – мусульманскими религиозными деятелями. К новым решениям этноконфессиональных проблем побуждали также волнения среди крестьян, особенно выступления под предводительством Е. Пугачева (1773–1775 гг.), участие в них казаков, башкир, татар, чувашей, представителей других народов России. Перемены в национальной политике государства определил указ Петра III о веротерпимости, или о равенстве вероисповеданий (1762 г.); позже императрица Екатерина II подписала ряд указов, расширяющих права многочисленных народов России, в том числе, один из важнейших – Указ Сената об упразднении Новокрещенской конторы (1764 г.). Выбранное направление было продолжено императором Павлом I (Указ о свободе культов от 1797 г. и «грамота Калмыцкому Ламе Собину Бакши о свободном отправлении всех духовных обрядов калмыков»); начиная с середины XVIII в. и в дальнейшем по воле царствующих особ государство отказалось от мер принуждения в вопросах веры.

Новые царские указы явились основанием для возрождения деятельности мечетей и мусульманских школ. Ученые и путешественники отмечали: у татар не только в Казани, но и «во всякой их деревушке имеются молебная хранина и школа», в школах обучаются дети обою пола (Георги, 1799: 9), мусульманская мечеть и школа представляли собой «единый духовно-просветительный комплекс» (Амирханов, 2001). Исторически важным событием для мусульман России явилось открытие в Казани Восточной (Азиатской) типографии (1802 г.), что значительно расширило возможности народа в образовательной сфере, создало условия для притока и распространения современных знаний, налаживания культурных обменов. Вместе с тем сохранялись противоречия между традиционной системой обучения, принятой в мусульманских учебных

заведениях (в основе арабская графика и родной язык) и политикой государства, заинтересованного в распространении православия и русского языка в обучении нерусских детей. Несмотря на то, что деятельность конфессиональных школ не запрещалась, власти на местах препятствовали открытию мусульманских школ при мечетях, и поддерживали начальные училища с преподаванием на государственном языке (НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1260. Л. 2, 3–9). Мусульманские вероучители должны были сдавать экзамен на знание русского языка в городских или уездных школах (училищах) и только после этого получали положительный ответ на запросы («общинные приговоры») об открытии конфессиональных школ (НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1000. Л. 144–145 об., 160 об.). Такое «принуждение» к освоению государственного языка часто становилось препятствием в вопросах организации конфессиональных школ, однако для тех, кто его преодолел, создавались новые возможности для налаживания контактов и взаимодействия с русскоязычным обществом.

Отказавшись от принудительных мер в духовно-религиозной сфере, государство и православная церковь продолжили миссионерскую деятельность, в этот процесс были вовлечены начальная школа и образовательные структуры, готовившие педагогические кадры. В Казанской губернии эти задачи поначалу выполняли школы при монастырях, одной из которых являлась славяно-латинская школа (1723 г.) при Федоровском монастыре, позже преобразованная в Казанскую духовную семинарию (1732 г.). Это учебное заведение готовило к миссионерской деятельности учащихся разных национальностей, в школе учились как православные русские, так и представители других народов Поволжья (Исламов, 1998). Для развития «инородческого» образования в Казанской губернии были учреждены начальные училища со смешанным составом учащихся, организовывались «инородческие» или смешанные русско-татарские классы и обучение осуществлялось на двух языках – на государственном (русском) и на родном («местном») (НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1260. Л. 43). В «инородческих» школах существовала интернациональная среда, что способствовало воспитанию у учащихся терпимости к проявлениям национальных особенностей, возникновению взаимопонимания между представителями этносов, тесно общающихся и живущих на одной территории.

Государственную поддержку получил школьный проект «инородческого» образования, разработанный известным миссионером Н.И. Ильминским, открывшим (совместно с В. Тимофеевым) частную Казанскую крещено-татарскую школу (1864 г.). Реализация этого проекта совпала со временем реформ в России, охвативших, в том числе, сферу народного просвещения. Деятельность миссионеров была направлена на организацию системы «инородческих» школ в Поволжье, Приуралье, Сибири и завершилась открытием Казанской учительской семинарии (1872 г.), где занимались (по разным источникам) 120/150 человек, «состоявшими наполовину из русских, наполовину из «инородцев» (крещеные татары, чуваша, черемисы, вотяки, мордва)» (Знаменский, 1892: 476). Учительская семинария готовила педагогические кадры для «инородческих» школ и классов. Здесь обучали учителей более 20 национальностей. При семинарии работали чувашская, черемисская, вятская, мордовская школы, где обучение осуществлялось как на русском, так и на родном языках. «В течение 47 лет (1872–1919 гг.) школу окончили более 1500 учащихся, среди них: татары – 243, чуваша – 179, марийцы – 128, мордва – 10, удмурты – 70, а также казахи, пермяки, зыряне, алтайцы, абхазцы, эстонцы» (Казанская татарская..., 2005: 137).

Решая миссионерские задачи, руководство учебных заведений уделяло большое внимание «священному песнопению» на национальных языках, считая, что «самое действенное средство к возбуждению и воспитанию в «инородцах» христианского религиозного чувства есть пение церковных молитв на родном языке...» (НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 295. Л. 40, 33, 51). Именно поэтому к музыкально-просветительской работе был привлечен С.В. Смоленский – в будущем известный музыкант, педагог и ученый-медиевист, «разработавший систему подготовки учителей пения (регентов) с учетом особенностей полиэтничного состава учащихся «инородческих» учебных заведений» (Файзрахманова, 2009: 40, 41). Приобщая воспитанников семинарии к русской хоровой культуре, С.В. Смоленский воспитывал и объединял многонациональную аудиторию средствами музыкального искусства, формируя «доступную» для взаимодействия культурную среду. Благодаря деятельности С.В. Смоленского Казанская учительская семинария сыграла значительную роль в музыкальном просвещении (в его европейском понимании) народов Среднего Поволжья, Приуралья, Сибири.

Наряду с организацией «инородческого» просвещения в начальной школе, Н.И. Ильминский также был одним из основателей миссионерских отделений в Казанской Духовной академии, которые создавались для подготовки миссионеров «среди мусульман, новообращенных христиан и язычников». Подготовка миссионеров включала глубокое изучение религий, истории культуры и быта народов Поволжья, Приуралья и Сибири. Большое значение придавалось изучению языков, так, например, татарский и арабский языки осваивались в такой степени, чтобы миссионеры могли не только свободно изъясняться с татарским населением, но также раскрывать смысл того или иного религиозного утверждения. Занятия по разговорному языку проводились в естественных условиях среди татарского населения. Миссионеры изучали характер «инородцев», их образ мышления, обычаи, привычки. Общась с населением на родном для них языке воспитанники академии «своим скромным и дружелюбным поведением произвели на татар самое приятное впечатление», что, как

считал Н.И. Ильминский, способствовало сближению татар с русскими (Знаменский, 1892: 404). Н.И. Ильминский стремился приобщить нерусские народы к русской, а через нее к европейской культуре и одновременно сделать доступными для русских культурное наследие других народов России. Предлагая для миссионеров программу по овладению «местными» языками, Н.И. Ильминский одновременно разработал методику применения русского алфавита для национальных языков, что вызвало полемику среди мусульман, применявших арабскую графику. В дальнейшем вопрос издания учебников на «инородческом наречии» кириллицей для начальных «инородческих» училищ вызвал много споров и горячо обсуждался депутатами мусульманской фракции II Государственной думы (1906 г.). Вместе с тем, для народов, имеющих национальный алфавит, предлагалось печатать книги в двойной транскрипции, что, согласно разработанным правилам, могло облегчить учащимся переход к изучению русского языка.

Анализ результатов деятельности Н.И. Ильминского, его учеников и последователей Н. Ф. Катанова, М. А. Машанова, Е. А. Малова, позволяет сделать выводы о том, что научные интересы и практическая деятельность ученых Духовной академии способствовали тому, что «противомусульманское» и другие миссионерские отделения, вопреки их прямому предназначению, являлись научным и образовательным центром, где изучались история, культура, языки и этнография нерусских народов России, а также учения ислама, буддизма, история этих религий. Для развития исламоведческого направления в Духовную академию были привлечены профессиональные преподаватели-востоковеды, велась подготовка специалистов, «обладавших комплексным знанием социокультурных реалий, языков и религиозных верований мусульманских народов империи» (Алексеев, 2004: 68). Ученые, оценивая деятельность академии, методы и результаты ее работы, называют противомусульманское и другие миссионерские отделения культурно-политическим проектом, направленным на «прочное сближение инородцев с русским населением путем просвещения» (Знаменский, 1892: 437).

В развитии межэтнических отношений немаловажное значение имели также прогрессивные тенденции «джадидизма» (от арабского «новый»), формируемые в системе мусульманского образования. В Казани, Оренбурге, Уфе и других российских городах на рубеже XIX–XX вв. открываются прогрессивные «новометодные» мусульманские учебные заведения, отвечающие образовательным потребностям либерально-буржуазной и демократической части татарского общества. В Казанском медресе «Мухаммадия», названным современниками «татарским университетом», учебный план включал наряду с религиозным курсом обширный список общеобразовательных (светских) дисциплин. Шакирды (учащиеся юноши) изучали цикл естественно-научных предметов, а также арабский, персидский, татарский (тюркский) языки и литературу, много внимания уделялось русскому языку, ему посвящались ежедневные занятия в начальных и средних классах (Амирханов, 2001). Светское искусство не входило в программы мусульманских школ, однако в свободное от занятий время учащиеся занимались поэзией, музыкой, участвовали в театральных постановках. Наряду с мужскими появляются женские новометодные школы, куда также постепенно проникают элементы светского воспитания (Явгильдина, 2007: 205). Значительную роль в развитии этнокультурных отношений играла Казанская татарская учительская школа (КТУШ), готовившая народных учителей для начальных школ (НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7563. Л. 46). Учебное заведение долгие годы возглавлял Шабхазгирей Ахмеров, он поддерживал новометодное обучение. Светские знания, которые учащиеся получали в школе, меняли их мировосприятие. Многие из них проявляли интерес не только к наукам, но и к светскому искусству, ранее запрещенному в мусульманских учебных заведениях. Однако в «Обязательных правилах для воспитанников КТУШ» (от 31 октября 1907 г.) время для музыкальных занятий было определено регламентом, разрешалось посещать театр, концерты, публичные чтения в праздничные дни (Казанская татарская..., 2005: 182). КТУШ воспитала многих выдающихся представителей татарской культуры. Среди выпускников Казанской татарской учительской школы были те, кто видел будущее татарского народа «не в этнической и религиозной замкнутости, а в сближении нации с передовыми идеями европейской науки и культуры при сохранении национального своеобразия и мусульманской религиозности» (Улемнова, 2008: 28).

Идеи «новометодного» образования все более распространялись в татарской среде. Татарские юноши учились в медресе, университетах, получали образование за границей, некоторое число девушек из татарских семей занимались в Родионовском институте благородных девиц, в казанских гимназиях, на Высших женских курсах; среди учащихся Казанского музыкального училища также появляется татарская молодежь. Обучаясь в гимназиях, девушки-мусульманки приобщались к европейским (русским) культурным традициям. Вместе с тем в Родионовском институте и Мариинской гимназии для учениц из татарских семей был приглашен вероучитель-мусульманин, что повышало статус этих учебных заведений.

Сохраняя приверженность исламу и традициям национальной культуры, татары вместе с тем «присваивали» атрибуты европейской (русской) цивилизации. В журнальных статьях, газетных публикациях отмечаются изменения, произошедшие в жизни татарского общества, особенным вниманием отмечены деятельность татарской театральной труппы «Сайяр» (Передвижник), Восточного клуба «Шарык» (Восток). В татарских домах появляются европейские музыкальные

инструменты, из молодежной среды выделяются первые музыканты-инструменталисты, обучающиеся у профессиональных педагогов (назовем как пример будущего классика татарской музыки – композитора Салиха Сайдашева). Все более ощущается влияние европейской культуры, оно проявляется в бытовой сфере, в развитии светского образования, в освоении форм и жанров европейского искусства молодыми татарскими музыкантами, писателями, поэтами, деятелями театра. В свою очередь деятели русской науки и культуры XIX – начала XX вв. – этнографы, лингвисты, историки, музыканты проявляют глубокий интерес к истории, языку, материальной и духовной культуре татарского народа. Современные ученые констатируют: на рубеже XIX–XX вв. «европейское начало начинает играть все более доминирующую роль» в культуре «российских татар», что повлекло за собой разрушение основ традиционной культуры и повлияло на «формирование культуры нового типа» (Сайфуллина, 1999: 24). Этот процесс, по мнению ученых, имел достаточно объективный и неизбежный характер, поскольку начинающаяся европеизация «восточных культур» на российском пространстве носила универсальный характер (Маклыгин, 2000: 4). Европейские культурные ценности, воспринимаемые и осваиваемые городским многонациональным и поликонфессиональным населением Казанской губернии, а также прогрессивные процессы в образовательной сфере на рубеже XIX–XX вв. оказывали влияние на формирование этноконфессиональных отношений нового типа, развивающихся в направлении веротерпимости под знаком просвещения и культуры.

5. Заключение

В процессе исследования выявлены историко-культурные предпосылки и особенности, оказавшие влияние на развитие этноконфессиональных отношений в регионе, в том числе:

- географическое местоположение территории Казанской губернии, имевшей значение «перекрестка» торговых и культурных связей между Востоком и Западом, Европой и Азией;
- многонациональный и поликонфессиональный состав населения Казанской губернии;
- исламский пласт болгаро-татарской культуры, формировавшейся в недрах средневекового государства Волжской Булгарии (IX в. – начало XIII в.), преемственно связанной с культурным наследием Казанского ханства (1438–1552 гг.);
- внутренняя политика российского государства в вопросах религии и миссионерская деятельность православной церкви (относительно Казанской губернии, начиная с 1552 г.);
- европейское влияние на развитие культуры (образования) в России; демократизация российского образования, «джадидизм» в мусульманской культуре; система «инородческого» просвещения как культурное явление в истории межконфессиональных и межэтнических отношений в Казанской губернии; веротерпимость как условие деятельности образовательных учреждений; последовательное превращение Казани в культурно-просветительный центр народов Среднего Поволжья и Приуралья.

Анализ выявленных предпосылок и особенностей, других явлений и процессов позволил определить основные тенденции национальной политики российского государства, повлиявшие на характер развития межконфессиональных и межэтнических отношений в регионе:

- а) агрессивная политика государства в вопросах религии, отрицание веротерпимости в период середины XVI–XVII вв., что имело поддержку на законодательном уровне (статус Православия как государственной религии был закреплен в Соборном уложении 1649 г.); принудительное крещение мусульман и язычников; запрет на мечети и мусульманские школы;
- б) поворот в национальной политике к веротерпимости, ознаменованный царскими указами второй половины XVIII в.: Петра III о веротерпимости или о равенстве вероисповеданий (1762 г.), Екатерины II (1764, 1766, 1773 г. и др.) и Павла I (1797 г.); запрет на деятельность Новокрещенской конторы; поэтапное уравнивание в правах с православными представителей других религий; возрождение системы мусульманского образования; миссионерское просвещение как способ для налаживания межэтнического взаимодействия;
- в) готовность государственной власти к либерализации конфессиональных прав на рубеже XIX–XX вв.: обещание царского манифеста даровать свободу вероисповеданий (от 26.02.1903 г.).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о противоречивости исторического пути российского общества к веротерпимости как условию цивилизованного сосуществования разных народов. Новая национальная политика российского государства, проявившаяся в большей терпимости к этноконфессиональному «разнообразию» регионов (начиная с XVIII в.), европейское влияние на социокультурные процессы, развивающиеся на территории Казанской губернии, стремление властей найти способы консолидации поликонфессионального и многонационального общества, в том числе с использованием культурно-образовательных ресурсов, – все это в целом способствовало формированию этноконфессиональных отношений нового прогрессивного характера на рубеже XIX–XX вв.

Исторический опыт межконфессиональных и этнокультурных отношений, приобретенный народами Татарстана в течение многих столетий, является наилучшим средством профилактики противоречий, возникающих на почве религиозных и национальных разногласий в современном обществе. Этот опыт позволяет говорить о плодотворности идеи формирования культурно-

образовательной толерантной среды, призванной служить консолидации социума. Успех программы «толерантного региона» возможен при соблюдении баланса интересов различных этноконфессиональных групп, основанного на «самодостаточном внутреннем потенциале и внешней государственной поддержке их этнокультурной отличительности» (Stolyarova et al., 2016: 71, 72). Эти выводы созвучны словам министра иностранных дел России С. Лаврова, выступившего с речью на Генеральной Ассамблее ООН (23.09.2016г.): глава российского МИДа подчеркнул необходимость разрешения межнациональных и межконфессиональных противоречий в современном мире на основе диалога культур и плюрализма.

6. Благодарности

Статья выполнена в соответствии с Российской правительственной программой повышения конкурентоспособности Казанского федерального университета.

Литература

- Алексеев, 2004** – Алексеев И.Л. К проблеме культурного диалога: Ислам и Казанское миссионерское исламоведение / Ислам в советском и постсоветском пространстве: история и методологические аспекты исследования: матер. Всеросс. конф.: Ислам в советском и постсоветском пространстве: формы выживания и бытования. К., 2004. С. 67-100.
- Амирханов, 2001** – Амирханов Р.У. Татарское просвещение в зеркале истории (дооктябрьский период) // Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Глава 11. Казань: Мастер Лайн, 2001. 530 с.
- Георги, 1799** – Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Часть вторая о народах татарского племени. СПб., 1799. Репринт. М.: Книга по Требованию, 2011. 243с. URL: <http://static.my-shop.ru/product/pdf/88/875733.pdf> (дата обращения: 26.09.2016).
- Давлетшин, 1990** – Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура. Домонгольский период X – нач. XIII вв. К.: Таткнигоиздат, 1990. 192 с.
- Знаменский, 1892** – Знаменский П.В. История Казанской Духовной академии. Вып. 2. К.: Типография Императорского университета, 1892. 592 с.
- Исламов, 1998** – Исламов Ф.Ф. Роль Казани и Елабуги в развитии культуры, просвещения братских народов Поволжья и Приуралья // Аргамак, 1998. № 9–10.
- Казанская татарская, 2005** – Казанская татарская учительская школа 1876–1917 гг.: Сб. док. и матер. / Отв. ред. Л.В. Горохова. Казань: Гасыр, 2005. 256 с.
- Кузык, Яковец, 2006** – Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. I: Теория и история цивилизаций. Авт. вступ. ст. А.Д. Некипелов. М.: Институт экономических стратегий, 2006. 768 с.
- Маклыгин, 2000** – Маклыгин А.Л. Музыкальные культуры Среднего Поволжья: Становление профессионализма. К.: Каз. гос. консерватория, 2000. 311 с.
- Макаров, 2016** – Макаров Г.М. Музыка старотатарской письменной поэзии как составная часть средневековой элитарной культуры Волго-Камского региона // Музыка. Искусство, наука, практика. № 1(13). 2016. С. 30-39.
- Макаров, 2015** – Макаров Г.М. Традиционный музыкально-поэтический фольклор и искусство кряшен // Altyn Jurga. 01.04.2015. URL: http://altyn-jurga-ru.blogspot.ru/2015/04/blog-post_82.htm (дата обращения: 14.10.2016).
- Миллер, 1791** – Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791.
- НА РТ** – Национальный архив Республики Татарстан.
- Нигмедзянов, 1993** – Нигмедзянов М.Н. Из истории татарской музыки // История и культура родного края. К.: Магариф, 1993. С. 70-76.
- Нигмедзянов, 1990** – Нигмедзянов М.Н. К характеристике жанров татарских песен // Музыка и современность. Актуальные вопросы татарской музыки К., 1990. С. 90-101.
- Новиков, Новиков, 2007** – Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. М.: СИНТЕГ, 2007. 688 с. URL: <http://refdb.ru/look/2873318.html> (дата обращения: 10.10.2016).
- Пинегин, 2005** – Пинегин М.Н. Казань в ее прошлом и настоящем. Печатается по изд. СПб. Издание А.А. Дубровина, 1890 / Казань: ооо «ДОМО»ГЛОБУС», 2005. 800 с.
- Сайфуллина, 1999** – Сайфуллина Г.Р. Музыка священного слова. Чтение Корана в традиционной татаро-мусульманской культуре. К.: Татполиграф, 1999. 230 с.
- Салитова, 2002** – Салитова Ф.Ш. Формирование традиционной музыкально-педагогической культуры Казанского края (середина XVI – начало XX вв.). Книга вторая. К.: Изд-во Казан. ун-та, 2002. 120 с.
- Улемнова, 2008** – Улемнова О. Художественные миры рода Тагириных // Казань. 2008. №4. С. 28-34.
- Файзрахманова, 2009** – Файзрахманова Л.Т. Музыкальное образование в Казанском учительском институте (1876–1917) // Искусство и образование. № 6(62). М., 2009. С. 38-51.

Фукс, 1991 – Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. – Казань, 1844.

Явгильдина, 2007 – Явгильдина З.М. Музыкальное образование в общеобразовательных учреждениях Казанской губернии (вторая половина XVIII – начало XIX вв.). Казань, ТГГПУ, 2007. 230 с.

Nurgayanova et al., 2015 – Nurgayanova N.Kh., Batyrshina G.I., Ahmetova L.A. Intercultural Interaction of the Volga Region Nations in the Context of Ethnomusical Traditions // *Biosciences, Biotechnology Research Asia*, 2015. Vol. 12. № 3. pp. 2795–2801.

Stolyarova et al., 2016 – Stolyarova G.R., Rychkova N.V., Rychkov S.Y. Historical and cultural aspects of paganism among the peoples of Tatarstan. // *Bylye Gody*, 2016. Vol. 39. Is.1. pp. 67–75.

References

Alekseev, 2004 – Alekseev I.L. (2004). K probleme kul'turnogo dialoga: Islam i Kazanskoe missionerskoe islamovedenie [To the problem of cultural dialogue: Islam and the Kazan missionary Islamic studies] / Islam v sovetskom i postsovetskom prostranstve: istoriya i metodologicheskie aspekty issledovaniya: mater. Vseross. konf.: Islam v sovetskom i postsovetskom prostranstve: formy vyzhivaniya i bytovaniya. K., pp. 67-100 [in Russian].

Amirkhanov, 2001 – Amirkhanov R.U. (2001). Tatarskoe prosveshchenie v zerkale istorii (dooktyabr'skii period) [Tatar education in the mirror of history (pre-October period)] // Islam v Srednem Povolzh'e: istoriya i sovremennost'. Ocherki. Kazan': Master Lain, 530 p.

Georgi, 1799 – Georgi I.G. (1799). Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov. Chast' vtoraya o narodakh tatarskogo plemeni [Description all living in the Russian state peoples. The second part of the peoples of the Tatar tribe]. SPb., Reprint. M.: Kniga po Trebovaniyu, 2011. 243 p. URL: <http://static.my-shop.ru/product/pdf/88/875733.pdf> (data obrashcheniya: 26.09.2016) [in Russian].

Davletshin, 1990 – Davletshin G.M. (1990). Volzhskaya Bulgariya: dukhovnaya kul'tura. Domongol'skii period X – nach. XIII vv. [Volga Bulgaria: spiritual culture. The pre-Mongol period X – early XIII centuries]. K.: Tatknigoizdat, 192 p. [in Russian].

Znamenskii, 1892 – Znamenskii P.V. (1892). Istoriya Kazanskoi Dukhovnoi akademii [The history of the Kazan Theological Academy]. Vyp.2. K.: Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 592 s. [in Russian].

Islamov, 1998 – Islamov F.F. (1998). Rol' Kazani i Elabugi v razvitii kul'tury, prosveshcheniya bratskikh narodov Povolzh'ya i Priural'ya [The importance of Kazan and Elabuga in the development of culture, education fraternal peoples of the Volga and Ural regions]. *Argamak*, № 9–10 [in Russian].

Kazanskaya tatarskaya, 2005 – Kazanskaya tatarskaya uchitel'skaya shkola 1876–1917 gg. [Kazan Tatar teachers ' school years 1876-1917]. Sb. dok. i mater. Otv. red. L.V. Gorokhova. Kazan': Gasyr, 2005. 256 p. [in Russian].

Kuzyk, Yakovets, 2006 – Kuzyk B.N., Yakovets Yu.V. (2006). Tsivilizatsii: teoriya, istoriya, dialog, budushchee [Civilizations: theory, history, dialogue, future]. T. I: Teoriya i istoriya tsivilizatsii. Avt. vstup. st. A. D. Nekipelov. M.: Institut ekonomicheskikh strategii. 768 p. [in Russian].

Maklygin, 2000 – Maklygin A.L. (2000). Muzykal'nye kul'tury Srednego Povolzh'ya: Stanovlenie professionalizma [Musical culture of the Middle Volga region: the Emergence of professionalism]. K.: Kaz. gos. konservatoriya. 311 p. [in Russian].

Makarov, 2016 – Makarov G.M. (2016). Muzyka starotatarskoi pis'mennoi poezii kak sostavnaya chast' srednevekovoi elitarnoi kul'tury Volgo-Kamskogo regiona [Music old Tatar writing of poetry as an integral part of the medieval elite culture of the Volga-Kama region]. *Muzyka. Iskusstvo, nauka, praktika*. № 1(13). pp. 30-39 [in Russian].

Makarov, 2015 – Makarov G.M. (2015). Traditsionnyi muzykal'no-poeticheskii fol'klor i iskusstvo kryashen [The traditional musical-poetic folklore and art of the Kryashens]. Altyn Jurga. 1.04.2015. URL: http://altyn-jurga-ru.blogspot.ru/2015/04/blog-post_82.html (data obrashcheniya: 14.10.2016) [in Russian].

Miller, 1791 – Miller G.F. (1791). Opisanie zhivushchikh v Kazanskoi gubernii yazycheskikh narodov yako to cheremis, chuvash i votyakov [Description living in Kazan province pagan Nations that thou Cheremis, Chuvash and votyaks]. SPb. [in Russian].

NA RT – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan [The national archive of the Republic of Tatarstan].

Nigmedzyanov, 1993 – Nigmedzyanov M.N. (1993). Iz istorii tatarskoi muzyki [From the history of Tatar music]. Istoriya i kul'tura rodnogo kraja. K.: Magarif, pp. 70-76 [in Russian].

Nigmedzyanov, 1990 – Nigmedzyanov M.N. (1990). K kharakteristike zhanrov tatarskikh pesen [To the characteristic genres of the Tatar songs]. Muzyka i sovremennost'. Aktual'nye voprosy tatarskoi muzyki. K., pp. 90-101 [in Russian].

Novikov, Novikov, 2007 – Novikov A.M., Novikov D.A. (2007). Metodologiya [Methodology]. M.: SINTEG, 688 s. URL: <http://refdb.ru/look/2873318.html> (data obrashcheniya: 10.10.2016) [in Russian].

Pinegin, 2005 – Pinegin M.N. (2005). Kazan' v ee proshlom i nastoyashchem [Kazan in the past and present]. Pechataetsya po izd. SPb. Izdanie A.A. Dubrovina, 1890. Kazan'. ooo «DOMO»GLOBUS». 780 p.

Saifullina, 1999 – *Saifullina G.R.* (1999). Muzyka svyashchennogo slova. Chtenie Korana v traditsionnoi tataro-musul'manskoi kul'ture [Music sacred words. The reading of the Quran in the traditional Tatar-Muslim culture]. K.: Tatpoligraf. 230 p. [in Russian].

Salitova, 2002 – *Salitova F.Sh.* (2002). Formirovanie traditsionnoi muzykal'no-pedagogicheskoi kul'tury Kazanskogo kraia (seredina XVI – nachalo XX vv.) [The formation of traditional musical and pedagogical culture of the Kazan region (middle of the XVI – early XX centuries)]. Kniga vtoraya. K.: Izd-vo Kazan. un-ta. 120 p. [in Russian].

Ulemnova, 2008 – *Ulemnova O.* (2008). Khudozhestvennyye miry roda Tagirovykh [Art worlds family Tagirov]. *Kazan*. №4. pp. 28-34 [in Russian].

Fuks, 1991 – *Fuks K.F.* (1991). Kazanskii tatars v statisticheskom i etnograficheskom otnosheniyakh [Kazan Tatars in statistics and Ethnography]. Kazan', [in Russian].

Faizrahmanova, 2009 – *Faizrahmanova L.T.* (2009). Muzykal'noe obrazovanie v Kazanskom uchitel'skom institute (1876–1917) [Music education in the Kazan teachers' Institute (1876–1917)]. *Iskusstvo i obrazovanie*. № 6(62). M., pp. 38-51. [in Russian].

Yavgil'dina, 2007 – *Yavgil'dina Z.M.* (2007). Muzykal'noe obrazovanie v obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh Kazanskoj gubernii (vtoraya polovina XVIII – nachalo XIX vv.) [Music education in educational institutions of the Kazan province (second half of XVIII – early XIX centuries.)]. Kazan, TGGPU, 230 p. [in Russian].

Nurgayanova et al., 2015 – *Nurgayanova N.Kh., Batyrshina G.I., Ahmetova L.A.* (2015). Intercultural Interaction of the Volga Region Nations in the Context of Ethnomusical Traditions. *Biotechnology Research Asia*, Vol.12. № 3. pp. 2795-2801.

Stolyarova et al., 2016 – *Stolyarova G.R., Rychkova N.V., Rychkov S.Y.* (2016). Historical and cultural aspects of paganism among the peoples of Tatarstan. *Bylye Gody*, Vol. 39. Is. 1. pp. 67-75.

УДК 930.85

Этноконфессиональные отношения в контексте культуры и образования (Казанская губерния, XVIII – начало XX вв.)

Ляля Тагировна Файзрахманова^{а, *}, Екатерина Вячеславовна Коврикова^а

^а Казанский федеральный университет, Республика Татарстан, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе архивных материалов и литературных источников освещаются некоторые аспекты межконфессиональных и межэтнических отношений в условиях историко-культурных процессов, развивавшихся в период XVIII - нач. XX вв. на территории Казанской губернии. Показано значение историко-культурных предпосылок и региональных особенностей, их влияние на характер исследуемых отношений. К важнейшим предпосылкам отнесены: географическое местоположение указанной территории, имевшей значение «перекрестка» торговых и культурных связей между Западом и Востоком, Европой и Азией; многонациональный и поликонфессиональный состав населения; исламский пласт болгаро-татарской культуры; политика российского государства в вопросах религии; европейское влияние на развитие культуры (просвещения) в России, демократические процессы в российском образовании, «джадидизм» в мусульманской культуре, система «инородческого» просвещения как культурное явление в истории межконфессиональных и межэтнических отношений; веротерпимость как условие деятельности образовательных учреждений; последовательное превращение Казани в культурно-просветительный центр народов Поволжья и Приуралья. Показано развитие межконфессиональных отношений в регионе в специфических условиях многонациональной и поликультурной среды, в условиях многовекового сосуществования ислама, православия, язычества, исповедуемых основными этническими группами населения Казанской губернии. Выявлены основные тенденции политики российского государства, повлиявшие на характер развития межконфессиональных и межэтнических отношений в регионе. Сделан вывод о перспективах развития этноконфессиональных отношений с целью консолидации современного общества, что возможно при соблюдении необходимого баланса интересов всех конфессиональных групп и опоры на культурное разнообразие.

Ключевые слова: межконфессиональное и межэтническое взаимодействие, история, культура, просвещение, толерантность, Россия, Татарстан.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lafaiz@gmail.com (Л.Т. Файзрахманова),
kewa969@yandex.ru (Е.В. Коврикова)